

рый текст летописец разорвал надвое договором 911 г., который оказался в его руках. «Так и получилось два договора и хронологическое расхождение в 4—5 лет», — заключает автор³⁵. Кузьмин тем самым приходит к тому же выводу, что и Шахматов на основании трактовки первой фразы договора 907 г.

Конечно, мы не располагаем прочной системой аргументации против подобного подхода, однако некоторые основания, подрывающие эту схему, летопись все же дает. Единственный шанс здесь, пожалуй, это обращение к строю мысли самого летописца, к контексту самих повторов³⁶.

Описание похода 907 г. заключается словами: «И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорчье. И прозваша Олга — вещей: бяху бо люди погани и невеигласи»³⁷. Совершенно очевидно, что летописец не подводит итог правлению Олега вообще, как утверждает Кузьмин, а завершает рассказ именно о событиях 907 г. Он рассказывает о возвращении Олега с богатой добычей в Киев и о том, что с этого времени Олга прозвали вещим — разве несколькими строками до этого он не передал восхищение греков мудростью русского князя, сравнивших его со святым Дмитрием Солунским?

Совсем иное дело текст, следующий за договором 911 г. Кстати, заметим, что все историки, писавшие на эту тему, почему-то обходят молчанием тот факт, что вслед за договором 911 г. идет не текст, который цитирует Кузьмин, — «И живяше Олегъ миръ имае ко всем странамъ, княжа в Киеве», а другой текст, рассказывающий о возвращении из Константинополя олеговых послов, заключивших договор 911 г., об их докладе Олегу о ходе переговоров в Константинополе, — «Пслании же Олгом посли приидоша ко Олгови, и поведаша вся речи обою царю...» и т. д. И лишь после этого рассказа летописец пишет о том, как Олег стал жить в мире со всеми странами и княжить в Киеве. Этот текст никакого отношения к рассказу о возвращении Олега в Киев в 907 г. не имеет, он несет совсем иную смысловую нагрузку. Он как бы завершает весь цикл внешнеполитических усилий Олега: после военных событий и оживленной дипломатической деятельности Олега наступает период «мира и дружбы», отношения урегулированы со всеми странами и народами. Это и отмечает летописец. И уже затем идет рассказ о смерти Олега. Вот его начало: «И приспе осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо въпрошал волъхвовъ и кудесникъ: «От чего ми есть умрети?»³⁸ и т. д. И здесь не ощущается перебивки текста, хотя он изложен довольно неуклюже: Олег вспомнил о своем коне, потому что поставил его кормить и не садился более на него, так как в

³⁵ Кузьмин А. Г. Указ. соч., с. 83.

³⁶ Интересную методику подобного рода анализа, на наш взгляд, использовал М. Х. Алешковский (*Алешковский М. Х. Указ. соч.*).

³⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 25.

³⁸ Там же, с. 29.